

ЭДМУНД КРИСПИН

Эдмунд Криспин — псевдоним, под которым писал детективы английский композитор Роберт Брюс Монтгомери (1921—1978). Он создал лишь девять романов и два сборника рассказов, однако они принесли ему всемирную славу классика детективной литературы, а некоторые из них вошли в легендарный список «100 лучших детективов XX века» по версии «Times». С персонажа его романов Джервейса Фена создатели сериала «Доктор Кто» списали своего заглавного героя.

ЭДМУНД

КРИСПИН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ
В КРОВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Серия «Золотой век английского детектива»

Edmund Crispin
SWAN SONG
LOVE LIES BLEEDING

Перевод с английского *Л. Г. Мордуховича* («Лебединая песня»),
В. Н. Соколова («Любовь покоится в крови»)

Компьютерный дизайн *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения The Estate of Rights Limited
и литературных агентств Peters, Fraser and Dunlop Ltd
и The Van Lear Agency LLC.

Криспин, Эдмунд.
К82 Лебединая песня ; Любовь покоится в крови : [сборник:
перевод с английского] / Эдмунд Криспин. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 448 с. — (Золотой век англий-
ского детектива).

ISBN 978-5-17-095898-6

Первая послевоенная постановка «Мейстерзингеров» Вагне-
ра. Оперный театр в Оксфорде собрал лучшую труппу. Но неза-
долго до премьеры Эдвин Шортхаус, исполняющий главную пар-
тию, был найден повешенным в собственной гримерке. Полиция
считает это самоубийством, ведь комната была заперта изнутри.
Однако прибывший на место преступления Джервейс Фен уве-
рен — Шортхауса, в ком талант сочетался с невероятно вздорным
характером, убили...

В респектабельной частной школе для мальчиков совершено
двойное убийство: кто-то застрелил молодого учителя Сомерса
и протезировавшего его Лава. Полиция в недоумении, особенно
когда выясняется, что на следующий день в соседней деревушке
убита пожилая вдова миссис Блай. Профессор Фен, помогающий
полиции вести расследование, подозревает, что все эти три убий-
ства тесно связаны, более того, причины случившегося следует
искать в старинных бумагах, которые миссис Блай нашла в своем
доме во время ремонта...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Rights Limited, 1947, 1948
© Перевод. Л. Г. Мордухович, 2016
© Перевод. В. Н. Соколов, 2016
ISBN 978-5-17-095898-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Посвящается Годфри Сэмпсону

Дорогой Годфри!

Ты не любитель подобных историй с убийствами, я это знаю. И конечно, не стал бы посвящать тебе эту вещь, если не «Мейстерзингеры». Тут уж невозможно было удержаться. Ведь это ты приобщил меня к благородному делу служения музыке еще в то время, когда я прогуливал уроки фортепиано. Тогда-то и началась наша дружба.

История, рассказанная в этой книге, произошла среди людей, занимающихся не просто музыкальным творчеством, а участвующих в постановке одного из шедевров Вагнера. Так прими мое посвящение, и будем надеяться, что это выдающееся создание мастера вернется наконец на сцену «Ковент-Гардена». И при этом не возникнут коллизии, описанные на следующих страницах.

*Твой Э. К.
Девон, 1946*

Глава 1

Замечено, оперные певцы большим умом не отличаются. Такое впечатление, что это своего рода расплата за особое устройство гортани, голосовой щели и всего прочего, предназначенного для издания приятных нашему слуху звуков. Провидение по странному капризу награждает певцов разумом, какой можно встретить разве что у домашних птиц. Соответствующим воспитанием этот дефект можно смягчить, но уж никак не исправить. Потому мы и сталкиваемся с чрезмерной обидчивостью странными причудами. В театрах подобных певцов приходится встречать чаще, чем где бы то ни было. Можно, конечно, вспомнить балетных танцовщиков, они тоже в большинстве своем наивные и недалекие, но все же не настолько. Разумеется, с данным утверждением любой вправе не согласиться, однако позвольте мне остаться при своем мнении.

Элизабет Хардинг, несомненно, тоже была об этом наслышана, а недавно убедилась воочию, регулярно посещая репетиции «Кавалера розы». При этом она почти сразу выделила Адама Лангли. Он являл собой приятное исключение, ибо в отличие от большинства коллег был, несомненно, умен, образован и приятен в общении. К тому же красив. Качества в совокупности весьма редкие в этой среде.

И тут случилась нечто невероятное. Элизабет, которая любую ситуацию оценивала трезво и основательно, а благодаря своим способностям, твердости характера добилась в жизни устойчивого положения, вдруг взяла и влюбилась в Адама Лангли. У него, возможно, были недостатки, но она о них и думать не хотела.

В моменты просветления она осознавала, что находится в плену безрассудной страсти, и удивлялась, как это могло случиться. Она, критически мыслящая молодая женщина двадцати шести лет, ухитрилась так низко пасть и скатиться до состояния, которое за неимением подходящего слова всюду называют любовью. Это же так избито и банально, а подобных любовных историй вокруг и не счесть. Со своими симптомами ей бы лучше обратиться к врачу. Но ничто не помогало. Она продолжала думать об Адаме, особенно вечером перед сном, и, к своему ужасу, осознавала, что никакого унижения не испытывает, а наоборот, это чувство так восхитительно кружит голову, возбуждает, оживляет, радует.

Элизабет теперь уже и не могла вспомнить, как это случилось. Внезапно, без всякого, так сказать, развития. Только что Адам Лангли был для нее — да, конечно, милым и приятным, но все равно одним из солистов оперной труппы, — как в следующее мгновение вдруг сделался самым необходимым на свете, а все остальные вокруг отошли в тень и поблекли. Чувства Элизабет были сродни трепету монахини, которую в ее обители посетил архангел. «Влечет меня твой нежный лик...», — вспоминались ей строчки из оды «Прозрения бессмертия» Уильяма Вордсворта.

А что же Адам? А ничего. Он, оказывается, о чувствах Элизабет и не ведал. Адам Лангли, симпатичный, видный, кареглазый, был необыкновенно доверчив, скромн и с женщинами робок. Да, да, представьте себе, именно таким он и был в тридцать пять лет. Ему, ясное дело, многие девушки оказывали знаки внимания, а он в ответ лишь учтиво улыбался, потупив взгляд. Влюбленности, какие у него были, даже и вспоминать не стоит. Все как-то получалось нелепо и неуклюже.

В общем, до сей поры женщины в его жизни играли роль весьма незначительную, и, видимо, по этой причине он не замечал чувств Элизабет. Она для него прежде всего была писательницей, присутствующей на репетициях «Кавалера розы» с целью изучения обстановки, что было нужно для ее нового романа.

Правда, однажды во время перерыва репетиции под фортепиано режиссер Карл Вольцоген в разговоре с ним заметил, поглядывая на Элизабет:

— Какая прелесть. Если бы она могла петь... о, мой друг, лучшего Октавиана трудно было бы вообразить.

Вот тут-то Адам Лангли и начал присматриваться к Элизабет. И что же он увидел? Невысокая, необыкновенно стройная голубоглазая красавица с великолепными темно-русскими волосами. Слегка вздернутый нос и изящно выгнутые брови придавали ей слегка насмешливый вид. Голос Элизабет низкий, живой, с приятной хрипотцой. Помада на губах у нее была наложена с редким умением, и Адам это сразу оценил, поскольку ему казалось, что большинство женщин выполняет эту процедуру скорее всего перед кривым зеркалом или во время приступа пля-

ски святого Витта. Одета она была дорого, но скромно. И это тоже Адаму понравилось.

Что касается характера, то позднее Адам убедился насколько сдержанна, уравновешенна Элизабет Хардинг и при этом нисколько не скучна. В ней также не было и намека на высокомерие, чего он не переносил. Впоследствии Адам решил, что их браку весьма способствовали два уважаемых мэтра — Рихард Штраус и Гуго фон Гофмансталь — композитор и либреттист оперы «Кавалер розы», в которой главные партии они отвели трем сопрано и басу. А тенору Адаму режиссер всучил небольшую неинтересную партию итальянского интригана Вальцакки, а потому значительную часть времени на репетициях он оказывался свободным и имел возможность больше общаться с Элизабет. Впрочем, для него это было всего лишь приятное знакомство. Он по-прежнему оставался слепым к чарам Элизабет и глухим к намекам, выводя ее этим из себя. Некоторое время она пребывала в смятении, не зная, как поступить. Открыто проявлять инициативу было нельзя, в ответ он бы насторожился. Тем более что любые такого рода движения со стороны Элизабет, учитывая ее обычную сдержанность, несомненно, выглядели бы несообразными и фальшивыми.

Шли дни, и до нее наконец дошло: нужен посредник, иначе ситуацию не разрешить. За пределами театра общих знакомых у них не было, а внутри нашелся лишь один человек. Ведь для этого нужна была женщина, притом зрелая, искушенная, здравомыслящая, имеющая с Адамом приятельские отношения. К этой роли как нельзя лучше подходила Джоан Дэвис, сопрано, исполнявшая в опере партию княгини Верденберг, маршалыши.

К ней на квартиру однажды вечером и отправилась Элизабет.

Комната, куда ее проводила пожилая, с тяжелой поступью, горничная, порядком не отличалась. Горничная, видимо к этому привычная, объявила о приходе Элизабет и ворча принялась раскладывать вещи по местам, а затем удалилась, что-то бормоча под нос.

Джоан вздохнула:

— Бедная Элси никак не примирится с моей безалаберностью. Садитесь, дорогая, и давайте чего-нибудь выпьем.

— Я вас не отвлекла от дела?

Джоан улыбнулась, показывая на шелковое платье:

— Видите, взялась кое-что подшить, но я прекрасно могу этим заниматься и разговаривая с вами, дорогая. Так что будем пить? Джин или?..

Они поболтали о пустяках, затем Элизабет с непривычным для себя смущением приступила к изложению цели визита:

— Я по поводу Адама... понимаете, я...

Джоан ласково улыбнулась:

— Мне все понятно, дорогая. Вы им... увлечены.

Эта высокая стройная женщина лет тридцати пяти была необыкновенно элегантна и мила. Искушенность в ней весьма удачно сочеталась с озорной веселостью.

— Это так заметно? — растерянно спросила Элизабет.

— Конечно. Всем, кроме Адама. Я даже как-то подумывала, не раскрыть ли ему глаза, но все же решила, что не стоит вмешиваться в чужие дела.

— Вообще-то именно об этом я пришла вас попросить, — проговорила Элизабет, краснея.

— Как забавно, моя дорогая. Не сомневайтесь, я выполню ваше поручение с большим удовольствием. — Джоан замолкла, размышляя. — Адам человек, скажем так, не слишком наблюдательный, но зато в высшей степени добросердечный. Благослови Господь вас обоих. Я завтра же этим и займусь.

И она этим занялась. Отвела Адама в артистическую гостиную и сообщила то, о чем он совершенно не подозревал. Тенор что-то бормотал в ответ неуверенным, слабым голосом. Джоан послушала и оставила его поразмышлять, а сама вернулась на репетицию.

Удивление Адама вскоре сменилось радостью, и он почувствовал себя совершенно счастливым. Его восприятие мира неожиданно обострилось, как будто сняли пелену и стало явным то, чего он прежде непостижимым образом не замечал. Всего десять минут назад Адам видел в Элизабет всего лишь приятную знакомую, а теперь горел нетерпением сделать ей предложение руки и сердца.

Его вызвали на сцену, где он с огромным удовольствием принял участие в расстройстве планов тупого и грубого барона Окса фон Лерхенау.

Когда же Адам наконец встретился с Элизабет, его вновь одолела робость. Дело дошло до того, что он целую неделю не нашел ничего лучшего как избегать ее, заставив свою возлюбленную — да, да, теперь уже возлюбленную — предаться печали. Шли дни, и Элизабет начало казаться, что известие о ее чувствах вызвало у него раздражение, а он не находил места, корил себя за нерешительность, не в силах ее преодолеть.

В конце концов Адам заставил себя действовать. Это случилось накануне репетиций в костюмах. Со-

бравшись с силами, как будто ему предстояло участвовать во взятии вражеского города, а не делать предложение женщине, относительно которой было точно известно, что он ей нравится, Адам отправился для разговора.

Элизабет сидела в зрительном зале со спокойным, независимым видом на красном бархатном сиденье в центре первого ряда подобно бриллианту в драгоценной оправе. Ее окружало великолепие интерьера в стиле рококо. По обе стороны от едва заметной в полумраке королевской ложи в мягком сиянии позолоты расходились лучами ярусы. Вокруг колонн витали нежные херувимы Буше. Свисающая с потолка огромная люстра чуть покачивалась от сквозняка. Хрустальные подвески мерцали отраженным от сцены светом, как светлячки. Адам остановился, ошеломленный открывшейся ему красотой. Окружение вполне соответствовало тому, о чем он собирался ей сказать, но Адам медлил. Затем, посмотрев на часы, оценил происходящее на сцене и, убедившись, что репетиция закончится самое большое через полчаса, пригласил Элизабет на ужин.

В ресторане на Дин-стрит они сели за столик с лампой под красным абажуром в довольно многолюдном зале первого этажа. Их обслуживал весьма словоохотливый официант-киприот, невысокий, подвижный. Адам заказал очень дорогое красное вино и, сознавая назойливость официанта, отложил объяснение до кофе.

Но и тогда все как-то не клеилось.

— Элизабет, — начал он, — понимаете, я... ну, мне хочется сказать, что...

Она понимающе кивнула:

— И что же вы хотите мне сказать, Адам?